

СРАЖЕНИЯ ВОЙНЫ АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

Весна 1453 года

После темноты внутренних помещений свет, исходящий от безоблачного неба, кажется ослепительным. Я невольно зажмуриваюсь и слышу рев множества голосов. Но это не моя армия зовет меня, странный шепот, перерастающий в рокот, не голос моего атакующего войска, не мои воины грохочут мечами по щитам. И на ветру хлопают не мои знамена с вышитыми на них ангелами и лилиями, такие красивые на фоне небес, — увы, то на победоносном майском ветру шелестят знамена проклятых англичан. И рев их войска совсем не похож на то, как горланят гимны наши солдаты; скорее он напоминает вой толпы, жаждущей смерти. Моей смерти.

Передо мной возвышается огромная груда дров, к которой прислонена лестница с кое-как приколоченными грубыми перекладинами. Перешагнув тюремный порог, я выхожу на городскую площадь и направляюсь к месту собственной казни. Я тихо прошу: «Крест. Можно мне крест?» Потом требую чуть громче: «Крест! Дайте мне крест!» Какой-то незнакомец — мой враг, англичанин, один из тех, кого мы называем «проклятыми» из-за их бесконечного богохульства, — протягивает мне самодельное деревянное распятие, вырезанное ножом; мгновенно забыв о гордости, я выхватываю у него распятие и крепко сжимаю в руках. Но меня уже подталкивают к костру, тащат по лестнице вверх, мои ноги цепляются за неровные перекладины, и вот я стою на шатком настиле, прибитом прямо над грудой дров на высоте человеческого роста. Стражники грубо разворачивают меня, заводят мне руки за спину и привязывают к столбу.

Все происходит так медленно, что у меня возникает чувство, будто время остановилось и сейчас ко мне с небес спустятся ангелы. Случались ведь и куда более удивительные вещи. Разве ангелы не пришли за мной, когда я мирно пасла в поле овец? Разве не меня называли они по имени? Разве не я возглавила армию, освободившую Орлеан? Разве не мною был коронован дофин и обращены в бегство англичане? Неужели все это сделала я? Простая девушка из Домреми, внимавшая советам ангелов.

Растопку, разложенную по периметру гигантского костра, поджигают; дым вьется на ветру, разлетаясь клубами. Потом занимаются дрова; облако жара окутывает меня, я кашляю и моргаю, из глаз ручьем текут слезы. Огонь уже лижет мои босые ступни. Я невольно переступаю с ноги на ногу — это, конечно, глупо, но мне кажется, что так легче перенести страдания, — и все вглядываюсь, вглядываюсь сквозь дым в надежде: вдруг кто-то бросится ко мне с ведром воды, вдруг кто-то крикнет, что монарх, коронованный мною, запретил эту казнь; или же англичане, выкупившие меня у того солдата, решат, что я вовсе не нужна им, и раздумают сжигать меня; или же моя церковь признает меня хорошей девушкой, доброй христианкой, которая не повинна ни в чем, кроме страстного желания служить Господу и исполнить Его волю.

Увы, в кипящей вокруг толпе нет моего спасителя. Ее гомон словно распухает, невероятно усиливается, сливается в оглушительный вопль, в чудовищную смесь благословений и проклятий, молитв и непристойностей. А я все смотрю вверх, в голубые небеса, все жду, когда ко мне спустятся ангелы... Но уже занимаются верхние поленья в костре, помост накрывается, и сноп искр окутывает меня, прожигая одежду. Эти искры, точно светлячки, опускаются мне на рукав, горло жжет от сухого жара, и я, как в раннем детстве, шепчу: «Дорогой Боженька, спаси меня, дочь Твою. Протяни мне руку Твою. Дорогой Боженька, спаси верную служанку Твою...»

Раздался какой-то грохот; я больно стукнулась головой и очнулась в полной растерянности, сидя на полу в собственной спальне и прижимая руку к ушибленному уху. Моя гувернантка, открыв дверь и увидев меня на полу, совершенно одурелую, рядом с упавшей набок моленной скамеечкой, раздраженно воскликнула:

— Леди Маргарита! Отправляйтесь, наконец, в постель! Вам давно уже пора спать. Вряд ли Пресвятая Дева Мария одобрит ваше поведение. Да и Господу нашему вовсе неуютны молитвы непослушных девочек. Излишнее усердие попросту вредно. И матушка ваша желает, чтобы утром вы вставали пораньше. Нельзя же молиться всю ночь без сна! Это же чистое безумие!

После этой тирады она сердито захлопнула дверь; я услышала, как она приказывает служанкам немедленно уложить меня в кровать и кому-то из них остаться в моей комнате, чтобы я не поднялась среди ночи на молитву. Они вечно мешали мне соблюдать канонические Часы и вести жизнь святую и непорочную, утверждая, что я еще слишком юна, что мне просто необходимо больше отдыхать, а кое-кто даже осмеливался предполагать, что я просто рисуюсь, а то и давлю на жалость. Но я-то знала точно: я призвана Господом, и мой долг, мой высший долг, — служить и подчиняться Ему.

Теперь, даже если бы я получила возможность молиться всю ночь, я все равно не смогла бы вернуть то видение, что совсем недавно так ярко предо мной предстало. Однако несколько минут, несколько священных минут я все-таки провела там, чувствуя себя Орлеанской Девственницей, святой Жанной Французской¹. И я прекрасно понимала, на что способна простая девушка, кем она может стать. Мне так и не дали

¹ Жанна д'Арк (1412–1431) — народная героиня Франции. Родилась в крестьянской семье в селении Домреми. Активно участвуя в Столетней войне 1337–1453 гг., освободила осажденный англичанами Орлеан (1429), за что и получила прозвище Орлеанская Девственница. В 1430 г. попала в плен к англичанам и в 1431 г. по обвинению в ереси была сожжена в Руане. В 1920 г. канонизирована католической церковью. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

полностью погрузиться в переживания, в который раз грубо опустили с небес на землю и опять выбрали, словно самую обычную девчонку. Ну и, разумеется, все испортили!

«Направь меня, Пресвятая Дева Мария! Ангелы небесные, вернитесь ко мне!» — шептала я, в мыслях вновь пытаюсь оказаться на той площади перед жаждущей казни толпой, ощутить пронзительный ужас и восторг тех мгновений. Но, увы, видение не повторилось. Я поднялась с пола, держась за опору своего роскошного полога, чтобы не упасть, так сильно кружилась голова от бесконечных постов и ночных молитвенных бдений. Я машинально потеряла ноющую коленку, которую ушибла, свалившись на пол, и ощутила на ней странную шероховатость. Задрав подол ночной рубашки, я внимательно осмотрела оба своих колена и нашла, что они одинаково загрубелые и красные от частого стояния на полу во время молитв. Это было поистине замечательно! Я просто поверить не могла своему счастью — неужели и у меня теперь колени святой?¹ Да, это так, хвала Господу! У меня колени святой! Я так много молилась, стоя коленями на жестких досках, что кожа на коленях напоминала твердую мозоль, какие бывают на пальце у английских лучников. Боже мой, мне еще и десяти лет не исполнилось, а у меня уже колени святой! Это что-нибудь да значит! Хоть моя старая гувернантка и порицала в присутствии моей матери мое чрезмерное, — а по ее словам, даже «театральное», — молитвенное рвение, но я своего добилась: у меня колени святой! Мозоли на коленях — мои стигматы; я заработала колени святой многочасовыми молитвами. Слава Тебе, Господи! Теперь я смогу противостоять любым нападкам и завершу жизнь так, как и подобает настоящей святой!

И я послушно легла в постель, поскольку послушание — даже если тобой командуют такие глупые и грубые женщины — это добродетель. Я думала о том, что, может, я и дочь

¹ Известно, что двоюродный брат Иисуса Иаков так иступленно молился в Храме, что у него на коленях образовались мозоли; с тех пор загрубевшие во время молитв колени, «колени святого», стали считаться признаком особого благочестия.

величайшего полководца Франции, одного из сыновей знатнейшего семейства Бофор и, следовательно, одного из прямых наследников короля Англии Генриха VI, однако мне, словно самой обыкновенной девчонке, приходится подчиняться указаниям не только матери, но и гувернантки. Хотя от рождения мне уготовано одно из высочайших мест в нашем государстве, ведь я — кузина самого короля. Дома-то ко мне относились без малейшего уважения, на меня вообще почти не обращали внимания, к тому же заставляли слушаться какую-то глупую старуху, которая вечно засыпала на проповеди, а во время молитвы сосала засахаренные сливы. Впрочем, теперь я все это воспринимала как свой личный крест, который вынуждена нести; я даже молилась за свою противную гувернантку.

Мне было очевидно, что я могу спасти ее бессмертную душу, несмотря на все ее недостатки, поскольку мои молитвы особенно угодны Богу. С раннего детства, уже лет с пяти, я понимала: Господь выделяет меня среди прочих детей. Я долго считала, что обладаю особым даром — способностью ощущать Его присутствие, а порою я слышала тихое благословение Богородицы. Однажды — это было в прошлом году — к дверям нашей кухни подошел за милостыней какой-то старый солдат, пешком возвращавшийся из Франции в родной приход. Я как раз снимала с молока сливки, когда он попросил у нашей молочницы дать ему поесть и обмолвился, что он не простой солдат, что ему довелось видеть настоящие чудеса и ту девушку, которую теперь называют Орлеанской Девственницей.

— Пусть он войдет, — велела я и моментально сползла с высокой табуретки.

— Он же грязный, — возразила молочница. — Дальше крыльца ни за что его не пущу.

Шаркая ногами, солдат поднялся на крыльцо, скинул с плеч ранец и тоскливо проскулил:

— Если вы, маленькая госпожа, дадите немного молока и еще, может, краюшку хлеба несчастному солдату, воевавшему за своего правителя и свою страну...